

Содержание

Предисловие	9
Благодарности.....	12
Вступление	16
Глава 1.	
Философия как искусство самоформирования	33
Глава 2.	
Первый уровень.....	76
Глава 3.	
Философия во плоти	150
Глава 4.	
Второй уровень.....	215
Глава 5.	
Сотворение философа-мученика	269
Послесловие	326
Библиография	331
Именной указатель.....	345

Посвящается Кристине и Анастасии

Мы умираем постоянно; даже когда я пишу эти строки, я умираю. Пока вы их читаете, мы оба умираем. Мы все умираем, мы всегда умираем.

Франческо Петрарка

Предисловие

Что общего у Сократа, Гипатии, Джордано Бруно, Томаса Мора и Яна Паточки? Во-первых, все они однажды столкнулись с самым трудным жизненным выбором: пойти на смерть, оставаясь верными своим идеям, или отказаться от них, но остаться в живых. Во-вторых, все они приняли решение умереть. Их захватывающая дух смерть стала не только неотъемлемой частью биографии, но и неотделимым компонентом их творчества. Акт «смерти ради идеи» можно рассматривать как самостоятельное философское произведение. Именно так кратко можно сформулировать ключевую мысль книги «Умирая за идеи» современного американского философа Костики Брататана.

Впервые эта работа была опубликована на английском языке в 2015 году, вызвав особый интерес среди специалистов разных социально-гуманитарных направлений оригинальным научным подходом. Автор представил философскую проблематику смерти и конечности человеческого бытия на основании богатого историко-философского и историко-культурного материала.

В процесс рассмотрения данной проблематики К. Брадатан вовлекает различные перспективы, затрагивающие самые разные области философии, и прежде всего историю философии, философскую антропологию и социальную философию. Он, сопоставляя философию как профессию и как образ жизни, делает особый акцент на ответственности философа за свои идеи, их взаимосвязи с его поступками и личностью, стремится определить место философа в обществе и в истории.

В европейской философской литературе к вопросам, рассматриваемым в книге, исследователи обращаются достаточно давно и активно. К. Брадатан представляет свою оригинальную трактовку проблемы отношения к смерти, начиная с античной традиции (Сократ, Платон и др.) и заканчивая современными европейскими мыслителями (Фуко, Адо, Паточка, Жирар и др.). Авторский подход нацелен на многоуровневое рассмотрение феномена смерти в контексте разных философских дискурсов, которые предполагают идею самоформирования человеческой жизни: от научно-рациональных до религиозно-мистических.

При этом К. Брадатан не просто сводит результаты своих предшественников воедино. Он сталкивает и связывает различные вопросы и темы между собой, формируя таким образом новые подходы к заявленной теме. Прежде всего это относится к вопросу о смысле и значении смерти, придавая философской трактовке данного феномена оригинальность и новизну своей экзистенциальной направленностью и нацеленностью на практическое применение философских взглядов и идей в нашей реальной жизни. Опираясь на историко-философские сюжеты, автор показывает разные уровни осмысления человеческой смерти как ключевой проблемы бытия человека в современном обществе массового потребления.

Безусловными достоинствами книги являются широта охвата материала и ясность изложения, что послужило ее

Предисловие

популярности во многих странах мира. С 2015 года «Умирая за идеи» издана уже на 14 языках мира, среди которых итальянский, китайский, датский, арабский, испанский, португальский, фарси и другие. Настоящее издание является первым переводом на русский язык. Можно надеяться, что книга заинтересует специалистов разных областей и направлений философии и будет востребована как молодыми учеными, так и профессионалами, вызвав полемику, необходимую для развития затрагиваемой в ней проблематики.

Благодарности

Книги зачинаются и вынашиваются в одиночестве, но одиночество не является их природной сущностью. На самом деле они просто являются еще одним способом быть с другими. Что же говорить об их написании! Писать книги — значит учиться у других, общаться с ними, получать их поддержку и оставаться в долгу у других. Книга, которую вы собираетесь прочесть, не исключение.

Я действительно в большом долгу. Перед Лизой Томпсон, моим редактором в издательстве «Блумсбери», за ее веру в данный проект и неизменную поддержку на протяжении всего процесса написания книги. Перед моими техническими редакторами, за их кропотливую работу. Перед Джоном Каруане, Андреем Кодреску, Дэвидом Э. Купером, Мэтью Лэмбом и Робертом Синнербринком, которые нашли время прочитать всю рукопись от начала до конца и дать ценные советы. Они — верные друзья, которые сыграли решающую роль в изменении данной книги к лучшему, и у меня просто нет слов, как их отблагодарить за это. Я в долгу перед Аврелианом Крайуту, моим дорогим другом, которого я знаю долгие годы и с которым подробно обсуждал развитие данного проекта. Релу стал непосредственным свидетелем рождения этой книги. Я в долгу перед Стивеном Р.Л. Кларком, Саймоном Кричли, Грэмом Харманом, Джузеппе Маззоттой, Джеймсом Миллером, Джонатаном Монро, Робертом Никсоном, Ингрид Роуланд и Майклом Уолзером за их поддержку этого проекта на ранней, но решающей стадии. Перед Рут Эбби, Дайаной Авербак, Михаилом Ботой, Мишель Булус-Уокер, Рэйчел Бреннер, Питером Чейном, Сукджей Чо, Прити

Чопрой, Ховардом Курзером, Стивеном ДеЛю, Клаудией Готеа, Сабриной Ферри, Даниэлем Гилфилланом, Дэвидом Гольдштейном, Александром Гинговым, Греггом Хейнджем, Лаурой Харрисон, Питером Харрисоном, Габриэлой Хорват-Драгнеа, Витторио Хесле, Ионом Яноши, Майклом Мардером, Марилией Либранди-Роша, Гордоном Марино, Ником Несбиттом, Дэвидом Реджио, Роббом Никсоном, Марком Роше, Клаудией Садовски-Смит, Сьюзен Стэнфорд-Смит, Дорином Тудораном, Кристофером Уильямсом, Ваньвэй Ву, Катриной Цукерт и Майклом П. Цукертом за их заботу, поддержку и советы. Я в долгу перед многими другими, чьи имена перечислить здесь просто невозможно, но кто сыграл важную роль в формировании концепции и реализации этого проекта, иногда даже не осознавая того.

В процессе работы над книгой мне повезло получить несколько стипендий для проживания в США и за рубежом. Я благодарен следующим организациям, частью коллектива которых мне выпала честь стать на время работы: Библиотека Ньюберри (Чикаго); Мемориальная библиотека Уильяма Эндрю Кларка и Центр исследований XVII и XVIII веков (Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе); Институт исследований в области гуманитарных наук (Висконсинский университет в Мэдисоне); Международный центр ученых имени Вудро Вильсона (Вашингтон, округ Колумбия); Институт повышения квалификации Нотр-Дам (Университет Нотр-Дам); Институт гуманитарных исследований (Университет штата Аризона); Фонд Больяско (Нью-Йорк); Лигурийский учебный центр искусств и гуманитарных наук (Италия); Библиотека Гладстона (Великобритания). Завершить данную книгу мне помогли значительные исследовательские гранты, полученные от Техасского технического университета, от офиса проректора, офиса вице-президента по исследованиям и почетного колледжа,

а также из Фонда Эрхарта. Без поддержки этих организаций написать книгу было бы гораздо сложнее.

За последние несколько лет отдельные части книги были представлены в виде докладов на различных конференциях и в форме лекций в качестве приглашенного преподавателя в университетах Северной и Южной Америки, Европы, Азии и Австралии. Реакция коллег или представителей обществственности на всех этих мероприятиях была очень важна. Я также включил фрагменты из этой книги в серию лекций, которые читал на протяжении нескольких лет в Европейском колледже гуманитарных наук (ECLA) в Берлине. Летом 2010 года я преподавал выпускникам в Индии курс под названием «Вопросы жизни и смерти». Программа была организована Форумом современной теории Барода и организована кафедрой английского языка Университета Пуны. Многие из того, что я представил в Пуне, стало частью окончательного варианта книги. Я очень благодарен доктору Прафулле Кару, директору центра, за то, что он пригласил меня преподавать этот курс, и благодарен студентам, прослушавшим его, лучшим студентам, о которых только может мечтать преподаватель. В феврале 2014 года рукопись «Умереть за идеи» обсуждалась на симпозиуме, организованном кафедрой гуманитарных и социальных наук в Индийском технологическом институте в Бомбее. Я благодарен всем, кто там присутствовал, и особенно признателен доктору Ранджану Кумару Панде за организацию мероприятия и разбор книги. Доктор Дипа Мишра и доктор Правеш Юнг Гoley предоставили отличные отзывы, за что я им безмерно благодарен.

Работая над книгой, я опубликовал ряд эссе по различным вопросам, связанным с ее основной тематикой. Большие и малые части текста были переработаны, реструктурированы, иногда до неузнаваемости, и включены в то, что стало

Благодарности

окончательным вариантом книги. Среди них: «Философия как искусство умирания» (опубликовано в журнале «Европейское наследие»); «Свет для будущего. О политическом использовании умирающего тела» (журнал *Dissent*); «Политическая психология самосожжения» (журнал *The New Statesman*); «Философия как искусство жизни» (в обзрении *The Los Angeles Review of Books*); и «От черновика к бесконечному письму. Смерть, одиночество и самоформирование в раннем модерне» (в академическом журнале «Культура, теория и критика»). Большое спасибо за эти публикации!

Вступление

Смерть — самое драгоценное из того, что дано человеку. Именно поэтому крайнее богохульство — неправильно ею воспользоваться. Неправильно умереть.

Симона Вейль

Вопрос жизни и смерти

Сократ за всю свою жизнь не написал ни строчки, но его смерть стала шедевром, сохранившим имя философа для потомков. Пока Ян Палах, чешский студент, который поджег себя в январе 1969 года в знак протеста против оккупации советскими войсками Чехословакии, был жив, он являлся незаметной фигурой. Однако после своей «пламенной» смерти Ян превратился для многих в не что иное, как полубога, существо огромной жизненной силы и влияния. Из могилы Палах формировал чехословацкую историю. Всякий раз, когда Ганди держал свой очередной «пост к смерти», все в Индии становилось необычайно живым, более оживленным, чем обычно. Во время этих постов «любое изменение» его физического состояния «передавалось в каждый уголок страны»¹. Вся Индия проживала голод Ганди.

¹ Fisher L. The Life of Mahatma Gandhi. New York: Harper & Row, 1983. P. 318.

Кажется, что смерть не всегда означает отрицание жизни. Иногда она обладает парадоксальной способностью ее усиливать, активизировать до такой степени, что может вдохнуть обновленную жизнь в жизнь. Присутствие смерти может возбудить в живых новое отношение к их существованию, более глубокое его понимание. Было бы справедливо отметить, что *жизнь нуждается в смерти*. Если смерть вдруг будет объявлена вне закона, жизнь получит сокрушительный удар.

Прежде всего, жизнь нуждается в смерти в целях самореализации. Часто происходит, что мы начинаем осознавать истинную ценность чего-либо, только потеряв это или находясь на грани потери. Именно перспектива внезапного исчезновения заставляет нас по достоинству оценить смысл и значимость присутствия чего-либо. Другими словами, смерть может привнести новую силу в акт жизни благодаря своей непосредственной близости. Историки заметили любопытный факт: часто, когда обрушиваются стихийные бедствия или социальные катастрофы с высоким уровнем смертности, например эпидемии или войны, люди, кажется, становятся более склонными к тому, чтобы предаться мирским излишествам. Они стремятся к плотским удовольствиям — выпивке, обжорству, сексу — с какой-то неумемной жадностью, с вновь обретенной страстью. Вместо того чтобы действовать осторожно, сохраняя ресурсы, как того требует здравый смысл в кризисных ситуациях, они быстро растрачивают все, что у них осталось. Потому что они в невероятной спешке, эти люди: они спешат жадно схватить радости жизни в тот самый момент, когда приближается смерть. То, что увеличивает их страсть к жизни, так это присутствие смерти. Данное отношение может показаться иррациональным, но в этом есть нечто удивительное. Стоя на грани небытия, такие люди открывают для себя чудо существования и празднуют свое открытие.

Собрание повестей Джованни Боккаччо «Декамерон» дает нам косвенную возможность рассмотреть эту уникальную ситуацию. В то время как «черная смерть» опустошает Флоренцию в 1348 году, группа молодых людей находит убежище в поместье, расположенном всего в нескольких милях от города. В течение десяти дней они погружены в страстную жизнь, рассказывая друг другу впечатляющие и непристойные истории. Результатом становится сборник из ста новелл, превозносящих жизнь и *joie de vivre* в ее самых плотских проявлениях. Интуитивно Боккаччо нащупывает глубокую связь между страхом смерти и желанием: в предельных ситуациях близость смерти может стать самым сильным афродизиаксом. Французский историк Филипп Арьес, вдохновленный, возможно, Жоржем Батаем¹, говорит об определенной «эротизации» смерти. Подобно сексуальному акту, смерть становится «преступлением, которое вырывает человека из его повседневной жизни... для того, чтобы он подвергся пароксизму, и погружает его в иррациональный, жестокий, но прекрасный мир»².

Нам тоже нужна смерть, чтобы лучше понять жизнь. В отсутствие смерти жизнь останется чем-то безграничным, бесформенным и в конечном счете пресным. Не будет никакого способа осознать ее, потому что у жизни не станет границ. А поскольку осмысление чего-либо связано с рассказыванием историй, жизнь человека имеет смысл только в том случае, если ее можно изложить в повествовании. Так же, как история без конца была бы невозможна, так же и жизнь без смерти была бы бессмысленной. В повести, написанной за восемь лет до своей смерти и которую я подробно рассмотрю в данной

¹ *Bataille G. Erotism: Death & Sensuality / Trans. by M. Dalwood. San Francisco: City Lights Books, 1986.*

² *Ariès Ph. Western Attitudes toward Death: From the Middle Ages to the Present / Trans. by P. M. Ranum. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press, 1974. P. 57.*

книге, Пьер Паоло Пазолини говорит именно об этом. Он пишет, что «просто необходимо умереть», потому что «пока мы живем, мы не видим смысла, а язык нашей жизни... непереводим»; это просто какой-то «хаос возможностей, поиск отношений и значений без решений»¹ (выделено автором. — К. Б.). Умереть — значит внести в жизнь ощущение композиционности. Смерть — умелый редактор, комполюющий вашу жизнь таким образом, что она начинает обретать смысл. Если бы жизнь человека была бесконечной, то ее можно было бы сравнить с существованием минеральной субстанции, чем-то бескровным, недифференцированным, невыразимым, мертвым, как камень. Вы бы потратили ее бездумно, бесцельно, геологический век за геологическим веком. На более практическом уровне, даже если бы такая жизнь была возможна, не уверен, что она была бы желанна. Как и в случае с любым рассказом, биографическое повествование, даже самое интересное, выходя за определенные рамки, становится скучным. Растянуть его еще больше — значит вызвать нескрывааемый ужас. Если бы мы однажды стали бессмертными, то умерли бы уже на следующий день от бессмысленности.

Есть еще один способ, с помощью которого смерть может определять динамику нашей жизни. Это более тонкая и более сложная ситуация. В данном случае ваша жизнь формируется под влиянием не собственной, а чужой смерти. Это тот тип аннигиляции, о котором я говорил вначале: смерть человека, который решает умереть не бесцельно, а «ради дела», ради чего-то большего, чем он сам. Такого рода добровольная смерть глубоко и неотступно влияет на жизнь тех, кто продолжает жить: она направляет их моральные суждения, формирует их взгляды на значимые вещи и пронизывает их понимание

¹ *Pasolini P. P. Heretical Empiricism* / Ed. by Louise K. Barnett. Trans. by B. Lawton and L. K. Barnett. Bloomington: Indiana University Press, 1988. P. 236–237.

того, что такое человек. В конце концов она становится частью их культурной памяти. Иногда она даже пробуждает их совесть и заставляет совершать поступки. Благодаря явной самоотверженности тех, кто принес себя в жертву, их готовности отказаться от собственной жизни некоторые из этих людей в конечном итоге превращаются в миф. Такая смерть часто становится тем порогом, у которого заканчивается история и за которым начинается мифология.

Человеческие существа, скорее всего, умирали «ради дела» на протяжении всей истории человечества. Из всех возможных разновидностей добровольной смерти книга, которую вы начали читать, рассказывает о философах, умиравших ради своей философии. Умирание подобного рода смертью определенно не лишено иронии: вы платите самым дорогим, что когда-либо имели, своей собственной жизнью, за то, что является наименее логическим событием. Но философы, во всяком случае самые выдающиеся из них, просто не могут обойтись без иронии. В определенном смысле книга «Умирая за идеи» — попытка попробовать себя в сфере еще не изученной онтологии: онтологии иронического существования.

Не жилец

В 399 году до н. э. Сократ принял яд после того, как афинский суд приговорил его к смерти. Его обвинили в развращении молодежи и непочтении к богам. Во время процесса Сократ ясно дал понять, что, независимо от исхода разбирательства, он не собирается менять свой образ жизни и философские убеждения. После суда и до своей казни Сократ мог еще

спасти свою жизнь с помощью богатых друзей. Однако из-за приверженности законам полиса он отказался бежать.

В 415 году н. э. Гипатия, александрийская языческая женщина-философ, была жестоко убита толпой христиан, спровоцированной патриархом города Кириллом. К 415 году Гипатия приобрела уникальную интеллектуальную известность и была влиятельным учителем в городе. Даже правитель Орест, хотя и был христианином, активно искал ее общества и совета. По-видимому, Кирилл был недоволен влиянием Гипатии в городе и в окружении Ореста.

В 1535 году сэр Томас Мор был обезглавлен в лондонском Тауэре после того, как его признали виновным в «государственной измене». Эта «измена» заключалась в том, что Мор отказался принести присягу на верность Закону о преемстве (благодаря которому престол был передан Елизавете I, еще не рожденному на тот момент ребенку Генриха VIII, которого тот зачал вместе со своей новой женой Анной Болейн) и признать верховенство короны в религиозных вопросах. Мор считал, что, будучи смертным человеком, король не может быть главой Церкви, потому что «ни один смертный не может возглавлять духовное».

В 1600 году Джордано Бруно сожгли на костре в Риме после того, как его приговорила к смертной казни Священная канцелярия (инквизиция) католической церкви. До этого восемь лет он провел в ее тюрьмах. Бруно, доминиканский монах, был осужден за то, что придерживался убеждений, противоречащих догматам католической церкви по вопросам пресуществления, Троицы, божественности и воплощения Христа, а также непорочности Марии. Он упрямо отказывался раскаяться даже на пути к костру.

В 1977 году Ян Паточка, чешский феноменолог, непосредственный ученик Эдмунда Гуссерля, умер от апоплексического

удара в пражской больнице после одиннадцатичасового допроса чехословацкой тайной полицией. Паточка находился под следствием за роль, сыгранную им в создании правозащитного движения Хартия 77, которое коммунистический режим считал подрывным. Он чувствовал, что его участие в этом движении необходимо, если он хочет оставаться верным своим философским идеям.

Философия как опасное предприятие

Так каким же должен быть философ, чтобы умереть за идею? Несмотря на конкретные убеждения каждого, всех упомянутых выше людей объединяет приверженность философии как *практической* стороне жизни. Конечно же, философия включает в себя размышление и написание, чтение и обсуждение, но это не должно рассматриваться как самоцель. Все эти действия призваны служить конечной цели философии, а именно самореализации. Ваша философия — это не то, что вы храните в книгах, а то, что вы носите в себе. Это не просто «предмет», который вы обсуждаете, а то, что вы воплощаете. Поэтому такое представление о философии было названо «образом жизни» или «искусством жизни».

Парадоксально, но философия как искусство жизни часто сводится к изучению того, как настроиться на встречу со смертью, к искусству умирания. Лучшим примером этого является Сократ. Он понимал философию как образ жизни и проживал ее настолько бескомпромиссно, что это привело его прямо к смерти. Ученик Сократа Платон был настолько впечатлен тем, что афиняне сделали с его учителем, что в диалоге «Федон, или О душе», в котором описаны последние часы

жизни Сократа перед казнью, он умело продвигает понимание философии как «подготовки к смерти» (*melétē thanátou*). Хронологически «Федон» принадлежит к так называемому «среднему периоду» творчества Платона. Скорее всего, он написал данный диалог через много лет после смерти своего учителя. Есть большое искушение рассматривать эту работу как акт «философской справедливости»: все еще скорбящий, неутешившийся, возможно, даже разгневанный Платон тайно вплетает сокрушительные события конца жизни своего учителя в само определение философии. Является ли замысел Платона «философской справедливостью» или нет, но он иллюстрирует ключевую мысль: философия остается искусством жизни до тех пор, пока она знакомит нас с искусством смерти.

Отзвуки платоновского определения можно обнаружить и в наше время. В XVI веке Мишель де Монтень, подражая Цицерону, назовет одно из своих сочинений «О том, что философствовать — это значит учиться умирать». В XX веке Симона Вейль поместит смерть в центр своего философского проекта. По ее мнению, умение умереть даже важнее, чем умение жить, поскольку смерть, пишет Вейль, «самое драгоценное из того, что дано человеку. Поэтому крайнее богохульство — плохо ее использовать»¹. Потратить впустую мы нашу смерть — в определенном смысле прожитая жизнь прошла бы даром. А эта книга о том, как философ может «извлечь пользу» из своей смерти и как при этом он может переосмыслить свою жизнь, воссоздав ее целостность.

Представление о философии как искусстве жизни может выглядеть маргинальным в философских кругах, задающих сегодня тон, однако эта идея не лишена привлекательности.

¹ *Weil S. Gravity and Grace / Trans. by A. Wills. Introductions by G. Thibon and Th. R. Nevin. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 1997. P. 137 (рус. перевод: Вейль С. Тяжесть и благодать / Пер. с фр. Н. В. Ликвинцевой. М.: Русский путь, 2008. С. 79).*